

Сегодня, как никогда, мы нуждаемся в конкретных действиях по достижению этого идеала человеческого сообщества. Мировые кризисы обнаруживают очень серьезные проблемы, решение которых не под силу ни одной стране. Сегодня разные общества и нации взаимосвязаны и не способны действовать независимо друг от друга. Нам предстоит объединить людей в сообщество, создать общее пространство и не исключать из него никого, независимо от континента, социального происхождения, возраста или пола.

Нам еще предстоит найти такие инструменты и механизмы, которые бы накрепко объединяли такое человечество. При том, что гуманисты давно поняли, что лежит в основе такого сообщества, что позволяет ему развиваться и преуспевать — это культуры, а точнее, проявления духа.

При всем нашем разнообразии мы объединены общей человеческой культурой. Образование, коммуникация, культуры и наука тесно связаны. Через общение, знание других языков, через диалог и научное сотрудничество мы выходим за когда-то установленные рамки, расширяем наши знания, узнаем иные традиции и обычаи, вступаем в пространство духовного понимания, открывая для себя объединяющие нас связи» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Символы Европы [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Федотова В. Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации [Электронный ресурс] — Режим доступа: vphil.ru/ Вопросы философии
3. Единство в многообразии [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.ido.rudu/philosophy//u/htm/
4. Schrag C. O. The self after Postmodernity. New Haven: Yale University Press, 1997.
5. Welsch W. Unsere postmoderne Moderne. Berlin: Akademik Verlag, 1987.
6. Тюна В. И. Коммуникативные параметры урока в школе конвергентной педагогики // Univer-sum: Вестник Герценовского университета. 2012. № 1.
7. Философия Веданты [Электронный ресурс] — Режим доступа: [rkm — vedanta.ru](http://rkm-vedanta.ru)
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
9. Козырев Ф. Н. Гуманитарное религиозное образование. СПб., 2010.
10. Бокова И. Новый гуманизм [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001897/189775f.pdf>.

Н. С. Чернякова

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ГУМАНИТАРНАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Кризисным состоянием духовной культуры и гуманитарного образования обеспокоены сегодня представители всех слоев нашего общества. Однако многочисленные выступления, обсуждения, дискуссии обнаруживают наличие в общественном и профессиональном сознании таких взглядов и представлений о сущности духовной культуры и гуманитарного образования, которые нуждаются в критическом анализе и преодолении.

Такие устойчивые словосочетания, как «деятели культуры», «новости культуры», «культурная столица», «творческие вузы» и т. п., свидетельствуют о том, что в общественном сознании, средствах массовой информации и официальных документах господствует

отождествление культуры с искусством, а творчества — с профессиональной деятельностью и подготовкой тех, кто создает произведения искусства. Несмотря на интенсивное развитие культурологических исследований, «быть деятелем культуры» в обыденном понимании означает «быть представителем того или иного вида искусства». Все, кто не причастен к созданию произведений искусства, считаются «потребителями», чье «приобщение к культуре» и уровень духовности может выражаться исключительно в начитанности, знании классических или выдающихся произведений мирового и отечественного искусства и регулярных посещениях «культурных мероприятий».

Списки произведений «обязательной классики» являются предметом ожесточенных споров, поскольку каждая из участвующих в общественных и профессиональных дискуссиях сторон руководствуется исключительно личными предпочтениями и воспринимает предложения оппонентов как несоответствующие духу времени. В свою очередь, невозможность выработать согласованный список обязательной к изучению классики рассматривается как одна из существенных причин кризиса гуманитарного образования.

Но так ли это? Действительно ли уровень духовной культуры личности зависит от количества прочитанных книг или регулярности посещения театров и музеев, даже если в числе прочитанного и увиденного — только мировые шедевры?

В данной статье я хочу обратить внимание на возможность такого понимания духовной культуры, которое делает несущественным вопрос о списке произведений культуры, обязательных к изучению, и позволяет иначе трактовать ту роль, которую призваны играть гуманитарные отрасли познания в формировании духовной культуры личности.

Прежде всего необходимо обратить внимание на те следствия, которые вытекают из отождествления культуры с искусством или любым другим видом профессионального духовного производства. Вопреки намерению «возвысить» культуру, подчеркнуть ее исключительную важность и значимость, сторонники противопоставления «культуры как сферы духовного творчества» всем иным видам человеческой деятельности в действительности превращают культуру в некий изыск, излишек, довесок, дополнение к тому неисчерпаемому многообразию человеческой жизни, которое выходит за пределы профессиональной деятельности отдельных социальных групп и институтов.

Факты свидетельствуют, что в окружающей нас реальной, а не выдуманной, жизни хорошие врачи, инженеры или бизнесмены, не успевающие или не имеющие возможности посещать театры и музеи, не читающие философские трактаты и не интересующиеся религиозными проблемами, встречаются столь же часто, как и те, кто не мыслит своей жизни без искусства, философских споров или религиозных исканий. Более того, большинство людей на Земном шаре не знают языка Пушкина и Достоевского, не читают философскую литературу, никогда не слышали музыки Малера и Шостаковича, не могут ничего сказать о современной живописи и о многом другом, относящемся к миру профессионального художественного творчества.

Что означают эти факты?

Очевидно, что в результате «исключения из культуры» подавляющего числа видов и сфер человеческой деятельности мы неизбежно оказываемся перед дилеммой: *либо* все виды человеческой деятельности причастны к творчеству, «духовности» и входят в состав культуры, *либо* то, что именуется «творчеством», «духовной сферой» и «культурой», не имеет непосредственного отношения к жизнедеятельности миллионов людей. Но в таком случае необходимо специальное обоснование того, зачем вообще существует в обществе эта «чужеродная» для всей остальной человеческой жизнедеятельности сфера.

Даже если исходить из того, что люди всегда ходили и будут ходить в театры и музеи, посещать выставки и концерты, читать художественную литературу просто потому, что

это им интересно, нельзя не видеть, что этот интерес может быть связан исключительно с желанием отдохнуть от профессиональной деятельности, от обязанностей и связанного с их исполнением напряжения, от привычного круга дел и, не в последнюю очередь, — от тяжких дум и размышлений о жизни, от любых мыслей и переживаний. Бесспорно, посещение театра или музея только для того, чтобы отдохнуть от работы, поболтать с друзьями, продемонстрировать новый наряд, сходить в кафе и проч. не превращает подобный «культпоход» в средство формирования духовной культуры, хотя все перечисленные функции посещения театров, музеев, концертов, выставок имеют важное значение для нормальной жизнедеятельности каждой личности.

Вопрос в другом: зачем вообще использовать термин «культура», говоря о роли и значении искусства, философии или религии в жизни человека? Почему не называть вещи «своими именами»: искусство — искусством, религию — религией, а телепередачи о литературе и театре — литературными и театральными обозрениями?

Термин «культура» изначально несет в себе такую информацию о жизнедеятельности человека, которая не тождественна содержанию терминов, обозначающих те или иные социальные институты и культурные феномены. Эта информация связана с отображением дифференциального характера социального бытия, того очевидного факта, что человеческие общности и отдельные индивиды живут в различных природных и социальных условиях, говорят на разных языках, обладают различными умениями, навыками, знаниями, верованиями, создают неповторимые материальные и духовные произведения и т. д. Иными словами, та реальность, которая отражается в понятии «культура» и обозначается термином «культура», представляет собой совокупность отличительных признаков, дифференцирующих отдельных людей и человеческие общности по способу, характеру, особенностям жизнедеятельности.

Если культура понимается как специфический способ жизнедеятельности конкретного субъекта, то духовная культура перестает быть готовым набором результатов профессиональной деятельности в сфере искусства, религии, философии, морали или науки, а становится присущим тому или иному субъекту культуры способом удовлетворения духовных потребностей.

Не будет преувеличением сказать, что собственно *духовной* можно назвать лишь одну потребность: *потребность в осмысленности существования, в обоснованности целей деятельности*. Именно эта потребность удовлетворяется в процессе смыслополагания, установления ценностного отношения к миру, размышления над конечными целями человеческого бытия и смыслом жизни конкретного субъекта культуры.

Когда мы говорим во множественном числе о духовных потребностях, то фактически имеем в виду те универсальные способы создания ценностно-смыслового содержания культуры, которые связаны с познанием мира, его эстетическим и художественным освоением, религиозным и философским постижением, глубоким эмоциональным переживанием. Эти универсальные способы развития духовной культуры конкретизируются в жизнедеятельности различных субъектов множеством различных способов и форм деятельности, среди которых мы находим и чтение книг, и посещение театров и музеев, и общение с другими субъектами культуры, и созерцание природы и многое другое.

Духовная культура, в отличие от технологии производства духовных благ, выражается в своеобразии духовной мотивации, присущей данному субъекту культуры, в степени осмысленности его жизнедеятельности и развитости ценностной ориентации. Для того чтобы исследовать духовную культуру того или иного субъекта, необходимо изучать не столько продукты специализированного духовного производства, существующие в обществе, сколько способы освоения этих продуктов данным субъектом культуры. Так, на-

пример, духовная культура русских не может быть отождествлена ни с русской классической литературой, ни с музыкой, ни с православием, но представляет собой тот особый способ осмысления Мира и человека, который присущ именно русским и который воплощен и в произведениях русского искусства, и в трактовке христианских догматов Русской православной церковью, и в характерных особенностях русского мировоззрения, ценностных ориентаций, норм, идеалов и иных элементов культуры.

Отсутствие духовной культуры в буквальном смысле означало бы социальную бессодержательность деятельности существа, которое в этом случае лишь имитировало бы повадки человека как субъекта культуры. Однако в действительности мы постоянно встречаемся не с полным отсутствием духовной культуры, а с теми особенностями ее развития, которые ведут к высокому уровню развития материальной культуры, т. е. средств, способов, особенностей удовлетворения материальных потребностей.

Общество потребления — это и есть такой субъект культуры, для которого смысл жизни сводится к удовлетворению материальных потребностей все более изощренными средствами. Какие бы физические и интеллектуальные силы ни затрачивал этот субъект на производство все более многообразных и высококачественных вещей, какими бы идеологическими средствами ни оправдывал и ни воспевал свое потребительство, суть дела не изменится: сама духовная культура этого субъекта становится всего лишь одним из способов удовлетворения все тех же материальных потребностей.

Деятельность субъекта культуры не может быть бессмысленной, чтобы он ни делал, так как наличие целесообразности — это атрибут социальной деятельности. Там, где нет смысла, нет ни социальности, ни культуры. Осмысления требуют не только средства и способы удовлетворения материальных потребностей, но и средства и способы формирования, поддержания и развития самой способности сознательного, осмысленного отношения к миру. Однако осмысленность любой разновидности социальной деятельности не устраняет различий ни между ними, ни между их продуктами.

Создание техники будет всегда характеризовать материальную культуру общества, а создание симфоний — духовную, но вовсе не потому, что создание техники есть удел бездуховных субъектов культуры, а написание симфоний осуществляют бесплотные гении, живущие духом единым. Ни с экономической, ни с политической, ни с культурологической точки зрения создание сантехники ничем не «хуже» создания картин или симфоний. Более того, процесс создания сантехники может нести в себе больше духовного содержания, нежели процесс написания картин и песен.

Сам по себе процесс создания идеального продукта не обеспечивает высокого уровня духовной культуры не только иных субъектов культуры, но даже и самого творца. Шоу-бизнес как феномен культуры общества потребления оказался возможным именно потому, что, с одной стороны, идеальные продукты культуры (романы, картины, песни и т. п.) могут быть использованы всего лишь как средства на пути к удовлетворению вполне материальных потребностей как своих создателей, так и потребителей, а с другой — сам процесс создания этих продуктов лишен всякого духовного содержания. В конце концов, шоу-бизнес потому и существует, что само по себе производство идеального продукта, каковым всегда и везде остается и песня, и роман, и картина, может сочетаться с крайне низким уровнем развития собственно духовного освоения мира самих производителей. Именно поэтому духовную культуру профессиональных художников или писателей лишь косвенно определяет тот факт, что они зарабатывают на хлеб производством идеальных продуктов.

Духовная культура самих профессиональных философов, литераторов, музыкантов, художников и т. п. не тождественна содержанию производимого ими идеального про-

дукта. Это значит, что ученые, писатели, философы, богословы и прочие работники сферы духовного производства обладают духовной культурой потому, что являются субъектами культуры, а не потому, что создают именно идеи, взгляды, теории, доктрины, художественные образы. Тем в большей мере это относится к производителям материальных благ. Духовная культура инженеров, рабочих, бизнесменов, фермеров и т. д. не может быть сведена к характеристикам их профессиональной деятельности, даже если сама эта деятельность рассматривается со стороны замысла, цели, идеи, знания, т. е. со стороны своего идеального компонента.

Духовным или бездуховным человек становится не потому, что производит вещи или идеи, а потому что, производя и вещи, и идеи, делает это либо ценностно-содержательно, либо ценностно-бессодержательно.

Любой собственно духовный продукт создается для того, чтобы расширить смысловое пространство культуры или для того, чтобы побудить субъекта культуры к расширению этого пространства. Духовный продукт всегда выходит за пределы авторского замысла, потому что сам этот замысел является лишь поводом для размышления, интерпретации, создания собственного смысла всеми, кто осваивает этот продукт. Вместе с тем достижение высокого уровня развития материальной культуры требует соответствующей ценностно-смысловой мотивации, в результате чего деятельность, связанная с удовлетворением материальных потребностей, превращается в одну из форм самореализации индивида или группы в качестве социальных существ и субъектов культуры.

Низкий уровень развития духовной культуры проявляется в неразвитости сферы смыслов, в отсутствии сознательной ценностной ориентации, в конечном счете — в вырождении ценностно-смыслового ресурса в форму цивилизованного удовлетворения биологических потребностей. Напротив, высокий уровень развития духовной культуры связан с развитием смыслового пространства, осознанностью целеполагания, сознательным и обоснованным выбором ценностной ориентации, несводимостью ценностно-смыслового ресурса к набору идеальных средств и условий удовлетворения биологических потребностей. Поэтому, в частности, за низким уровнем развития материальной культуры может стоять высокоразвитое смыслополагание, в соответствии с которым субъект культуры просто не считает нужным тратить жизненное время на создание материальных удобств.

Существование в обществе искусства, религии, философии, науки, морали как социальных институтов, как социально организованной деятельности по производству соответствующих идей и теорий, обусловлено потребностями развития самого общества как целостной системы и особого уровня организации субъекта культуры. Создаваемые этими социальными институтами идеальные продукты не могут возникнуть стихийно, в процессе материального преобразования мира и, начиная с цивилизационного уровня развития общества, требуют для своего добывания такой же специализации, как земледелие и скотоводство.

Однако существование в обществе профессиональных групп, ответственных за продуцирование смыслов и создание духовных продуктов, не является основанием для того, чтобы говорить о высокой духовной культуре этого общества. Даже в том случае, когда профессионалы производят духовные продукты высокого качества, нет никаких гарантий, что реальные субъекты культуры, взаимодействие которых и образует данное общество, действительно распредмечивают содержание производимых в обществе духовных продуктов и извлекают из них именно духовное, ценностно-смысловое содержание.

То, как именно воспользуются продуктами духовного производства конкретные индивиды и социальные группы, и будет характеризовать духовную культуру этих субъек-

тов. Но в любом случае духовная культура останется способом удовлетворения потребности в осмысленности бытия, а духовный мир — миром смыслов, идей, с помощью которых человек обосновывает свои цели, достигает понимания Мира и самого себя.

Такие понятия, как «производитель» и «потребитель», относятся к экономике и социологии, но в принципе не применимы в культурологии. В сфере культуры как реального способа жизнедеятельности конкретного субъекта нет производителей и потребителей в том специфическом смысле, который вкладывают в эти понятия экономика или социология. В качестве субъектов культуры люди не являются исключительно субъектами общественного производства, участниками общественного разделения труда и исполнителями определенных социальных ролей. Культура любого субъекта — это способ и продукт его собственной жизнедеятельности. Субъект культуры — всегда создатель, производитель, творец собственного способа освоения мира, или — перед нами просто нет субъекта культуры.

В таком подходе состоит принципиальное отличие культурологического от любого иного анализа социального бытия. Культурология не интересуется теми, кто не является субъектом культуры, а для социолога или экономиста эти «не-субъекты» важны именно потому, что являются потребителями продукции или исполнителями предписаний, даже если не способны понять, зачем им нужна данная продукция и в чем состоит смысл предписаний.

Глубоко заблуждаются те, кто думает, что средствами обретения осмысленности бытия и пополнения ценностно-смыслового ресурса жизнедеятельности субъекта культуры могут быть лишь продукты профессионального духовного производства: искусство, религия, наука, философия [1. С. 17]. Из того факта, что философия как форма общественного сознания является продуктом духовного производства и элементом всемирного духовного наследия, вовсе не следует, что для конкретных субъектов культуры: отдельных индивидов или социальных групп, этносов или классов — именно философия является «душой» или способом создания ценностно-смыслового ресурса их собственной культуры [2. С. 34].

В действительности любые продукты человеческой деятельности могут стать средствами формирования, воспитания, образования, социализации человека, выступить посредниками или побудительными факторами обретения смысла и выбора ценностной ориентации. В конечном счете, каждая культура как специфический способ жизнедеятельности конкретного субъекта обладает особым, присущим только ей, набором средств и способов формирования духовной культуры следующего поколения. Как содержание, характер, специфика, так и набор самих средств могут быть различными. Кто-то постигает красоту мира, изучая произведения искусства, а кто-то — бродя по лесам и полям, созерцая окружающую природу.

У первобытного человека не было музеев и профессионального искусства, но его взору была открыта звездная бездна, морская стихия, растительный и животный миры планеты по имени Земля. А многие современные ученые, возможно, впервые задумались о смысле человеческой жизни и своей профессиональной деятельности вовсе не тогда, когда читали стихи Пушкина или слушали музыку Моцарта, а тогда, когда встали перед выбором направления научного исследования, одно из которых носит фундаментальный характер, но не сулит быстрого успеха, а другое — связано с разработкой нового вида оружия, но принесет большие деньги.

Никто не может создать духовную культуру субъекта за него, вместо него, без него. Каждый субъект культуры создает смысловое пространство собственной жизни сам, в процессе духовного освоения мира. Специфический способ этого освоения, т. е. способ

создания ценностно-смыслового содержания, или ценностно-смысловых основ, культуры и есть духовная культура данного субъекта, которую может создать лишь он сам.

Печать призванности, посвященности, лежащая на всех проявлениях духовной деятельности и придающая духовность всему человеческому бытию, определяется состоянием осмысленности, которое присуще этому бытию, когда оно обладает ценностно-смысловым измерением. И наоборот: то состояние человеческого бытия, которое именуется «бездуховностью», есть в буквальном смысле бездуховность — отсутствие жизни духа, состоящей в напряженной деятельности осмысления действительности.

Однако человек тем и отличается от животного, что никакими материальными средствами не может возместить потерю духовности, составляющей объективно необходимую ступень развития его родовой сущности. Поэтому момент исчезновения подлинной духовности неизбежно будет ознаменован рождением псевдодуховности или квазидуховности, отличающейся от собственно духовности отсутствием главного — рефлексии о смысле бытия, но заполняющей неким суррогатом зияющую пустоту бессмысленности. Эта пустота должна быть заполнена любой ценой и любыми средствами во имя поддержания самого биологического существования человеческого рода, поскольку, в конечном счете, и духовность, и то, чем ее пытаются заменить, возникают на основе потребности в осознанной мотивации человеческой жизнедеятельности, существующей лишь в неразрывном единстве материальной и духовной сторон.

Для того чтобы понять действительную роль гуманитарного образования в формировании духовной культуры личности, необходимо помнить, что функцией различных видов духовного производства: науки, философии, религии, искусства и т. д. — является создание отнюдь не духовной культуры различных субъектов, а всего лишь таких идеальных продуктов: научных знаний, философских систем, теологических учений, художественных произведений и т. д., — которые способны обеспечить **объективные условия и средства** формирования духовной культуры конкретных субъектов, образующих данное общество.

Субстрат, из которого создается собственный смысл, никогда не бывает продуктом исключительно собственного творчества. Все формы специализированного духовного производства призваны создавать такую «духовную пищу», которая должна помогать отдельным личностям выстраивать собственный духовный мир, поддерживать, развивать, утешать, вдохновлять субъектов культуры, существующих в обществе. Художественные образы, научные и философские идеи, религиозные доктрины позволяют любому человеку увидеть то, что без этих идей и образов он разглядеть не может, а если и видит, то не находит способов для выражения своих чувств и мыслей. Из эстетического наслаждения, из знания, из поиска смысла строится, создается, формируется духовный мир субъекта культуры. В этом мире рождаются и существуют не только идеальные образы всех возможных продуктов культуры (как идеальных, так и материальных), но и идеальные образы, в которых воплощены представления данного субъекта культуры о смысле собственного существования, о сущности и идеалах воплощения Истины, Добра и Красоты.

Специальной целью гуманитарного образования является формирование личности с таким набором компетенций, который позволяет личности не только самостоятельно распределчивать содержание идеальных продуктов, но и развивать собственную духовную культуру.

Достижение этой цели возможно только на основе развивающегося гуманитарного познания, которое является познанием ценностно-смыслового содержания человеческой жизнедеятельности и созданных человеком продуктов культуры. Специфика этого вида познания состоит в том, что оно опирается на интерпретацию материальных носителей

и форм выражения идеального и создает новый смысл как условие понимания изучаемого продукта/текста культуры.

Научить понимать, интерпретировать, анализировать духовное содержание произведений культуры — это задача гуманитариев. Они выступают в роли не только создателей идеальных продуктов, но и учителей, наставников, проповедников, знающих духовное наследие, владеющих средствами и способами выявления смыслов. Филологи, историки, искусствоведы, религиоведы, культурологи и другие представители гуманитарного познания выявляют и исследуют смыслы уже созданных продуктов культуры, делают их идеальное содержание доступным для личностного потребления и способствуют передаче выявленных смыслов другим субъектам культуры.

Интерпретация таких материальных носителей смысла, как языковой текст или вещественная форма бытия продукта культуры, требует навыков собственно мыслительной деятельности, которая не тождественна навыку владения тем или иным естественным или искусственным языком. Смысл как идеальное содержание существует не в языке, а в сознании владеющего языком субъекта культуры. Поэтому владение даже естественным языком не предопределяет смыслового содержания сознания. Тем в большей мере это относится к любым иным, неязыковым носителям информации.

У продукта материальной культуры поле смыслов ограничено функциями, для осуществления которых он создан. Даже если в процессе распремечивания идеального замысла материального продукта создается новый смысл, этот смысл неразрывно связан с первоначальной функцией и редко выходит за ее пределы. У продуктов духовной культуры поле смыслов потенциально бесконечно. Интерпретация-распремечивание духовного продукта как способ овладения его идеальным содержанием, результатом которого становится понимание, постижение, присвоение смысла, может существенно расходиться с первоначальным замыслом, остающимся всегда под вопросом.

Самая большая опасность отождествления гуманитарного познания с научным состоит в том, что одна из возможных интерпретаций, выявляющая один из бесчисленных смыслов продукта культуры, выдается за теоретически обоснованное и эмпирически подтвержденное научное знание. Никакая гуманитарная интерпретация продукта духовной культуры не может быть ни теоретически обоснованной, ни эмпирически подтвержденной в научном понимании, потому что любая гуманитарная интерпретация сама себя обосновывает и подтверждает.

Специфическая активность субъекта гуманитарного познания проявляется в том, что процесс интерпретации-распремечивания оказывается, по существу, созданием нового смысла. Для того, чтобы понимать чужие мысли, необходимо иметь свои собственные. Создавая идеальный образ самого идеального, познающая мысль должна перевоплотиться в иную мысль, сконструировать эту мысль из самой себя в процессе интерпретации, чтобы в результате возник *эффект понимания* как совпадения мысли познающей с мыслью познаваемой. Иными словами, в любом тексте понимаемо только то, что уже содержится в сознании познающего, воспринимающего текст субъекта. Смыслом обладает лишь то, что уже осмыслено. Текст интерпретатора — это магический кристалл, сквозь который не только он, но и любой другой субъект воспринимает смысл произведения культуры, «видит» его.

Рассуждения о «множестве истин» теряют свою абсурдность только в гуманитарном познании, объекты которого в принципе не имеют одного смысла и не могут быть отображены в одной «истинной» интерпретации.

Гуманитарная интерпретация продукта культуры или целостного способа жизнедеятельности может быть:

— *логически непротиворечивой*, если рассуждения автора не нарушают законов логики, согласуются друг с другом и вытекают из некоторого числа исходных принципов;

— *оригинальной*, если позволяет раскрыть ранее неизвестный смысл, переосмыслить произведение, результат, продукт культуры;

— *эвристичной*, если открывает возможность дальнейшего выявления смыслов. Но она не может быть истинной или ложной, потому что *никакая интерпретация идеального не может быть опровергнута*. Любой интерпретации можно противопоставить лишь иную интерпретацию, но не эмпирические данные, которые являются результатом предметно-практического взаимодействия с познаваемым объектом.

Бессмысленно тратить время на составление списков «обязательной классики» не только потому, что содержание этих списков невозможно согласовать, но и потому, что не существует прямой зависимости между изучением шедевров мировой художественной культуры и формированием ценностно-смыслового пространства собственной культуры личности.

Начитанность, информированность, обширный объем знаний — при всей их неоспоримой значимости для развития личности — не следует отождествлять ни с гуманитарной образованностью, ни тем более — с высокой духовной культурой.

Гуманитарно образованная личность — это вовсе не ходячий энциклопедический справочник, находящийся в режиме постоянного цитирования классиков и ссылок на чье-то авторитетное мнение, а потому не способный к живому диалогу ни с самим собой, ни с реальным собеседником. Знать о ценностном содержании произведения культуры и осуществлять ценностно-содержательную деятельность самому — это в принципе не одно и то же. Сложность развития духовного мира человека такова, что отсутствие у личности гуманитарной образованности может сочетаться с высоким уровнем развития духовной культуры, потому что, в конечном счете, только нравственность как ценностная ориентация на Добро, по существу и происхождению, является прямым и непосредственным выражением социальной сущности человека.

Нравственная норма как самая фундаментальная из всех социальных норм ориентирует человека на взаимодействие, сосуществование индивидов в социуме (сообществе людей). Любая нравственная норма ограничивает проявление инстинктов, любая — предписывает субъекту взглянуть на другого человека как на себе подобное существо. При этом атрибутом нравственной нормы является ее всеобщность и абсолютность: нравственная норма распространяется на всех без исключения субъектов культуры и не имеет пространственно-временных рамок, потому что прямо указывает на социальную сущность человека и предписывает эту социальность сохранять.

Нравственное долженствование как предписание стремиться к Добру, имеет базисный характер по отношению к другим формам ценностного долженствования. Это обусловлено тем, что человек может быть недостаточно чувствителен и тонок, чтобы воспринимать гармонию мира и сознательно к ней стремиться, и может быть недостаточно умен и последователен, чтобы держать под постоянным контролем истинность своих воззрений. Однако человек не может оставаться социальным существом, если в принципе не признает нравственных норм или фактически им не следует. Именно поэтому не существует какой-то особой нравственной деятельности, подобно познавательной или эстетической. Ориентация на Добро реализуется во всех видах и формах человеческой жизнедеятельности и не зависит от уровня образованности. Ни один вид деятельности, социальный институт или поступок не являются ценностно содержательными, если не соответствуют нравственным нормам.

Формирование нравственного ядра духовной культуры личности осуществляется в процессе сложного взаимодействия множества социокультурных факторов, одним из которых является гуманитарное образование:

- поднимающее культурную компетентность личности на уровень проникновения в сущность культуры;
- позволяющее осуществлять ценностно-содержательную деятельность в любой профессии и сфере жизни;
- формирующее осознанное отношение к свободе нравственного выбора и понимание ценностных пределов культуротворческой деятельности;
- помогающее осознать и отстаивать собственную культурную идентичность;
- делающее возможным самостоятельное и ответственное принятие решений в сфере межкультурного взаимодействия;
- встраивающее профессиональную деятельность любого вида в контекст культурно-многообразного мира;
- побуждающее к расширению горизонта собственной культурной компетентности.

Образование самих гуманитариев как представителей специализированного духовного производства — это особая проблема, которая не тождественна проблеме гуманитарного образования всех других специалистов, потому что речь идет о формировании тех людей, которые призваны осуществлять гуманитарное познание и образование.

Духовное производство связано с познанием такого уровня сложности, который требует от субъекта значительных усилий, напряжений, ограничений, упорства. Совершать подобные действия разумное существо может исключительно при наличии устойчивой мотивации к познанию не просто как средству ориентации в мире, но как важнейшему способу личностной самореализации, саморазвития и самосовершенствования.

Материальные стимулы никогда не были и не будут решающими в сфере духовного производства и образования. Необходимость зарабатывать хлеб насущный может заставить охотиться или выращивать овощи, но она не может побудить к творчеству духовных продуктов или к осуществлению сложного духовно-практического процесса передачи знания новому поколению. Вдохновенные уроки и лекции, научные теории и художественные произведения, философские трактаты и религиозные проповеди создаются не потому, что их создателям нечего есть или хочется купить новый автомобиль. Существует множество способов менее затратного приобретения материальных благ, нежели творчество идей и обучение людей.

То, что побуждает субъекта культуры к созданию духовного продукта и к обучению, — это запросы самого духа, т. е. ценностно-смысловой ипостаси человеческого Я. Ничто не приносит духу большего удовлетворения, чем самоосуществление, самореализация через опредмечивание, воплощение собственных идей, представлений, ценностных ориентаций в продуктах человеческой деятельности.

Самореализацией преподавателя является процесс непосредственного, живого общения с аудиторией. Тот, кто в подобном общении не нуждается, чей дух не требует подобной формы самореализации, преподавателем быть не может. То, что делает процессы познания и преподавания неразрывно связанными для многих поколений философов и ученых, — это реальное опредмечивание собственной мысли в процессе чтения лекций и проведения семинаров.

Любой преподаватель удовлетворяет жажду познания, которая мучает его учеников. И если этой жажды нет, то совершенствование методических приемов становится бессмысленной тратой времени, созданием столь любимых постмодернистскими идеолога-

ми симулякров. Нельзя научить того, кто учиться не желает. Нельзя сделать высококвалифицированного специалиста из того, кто не воспринимает профессиональную деятельность как одну из важнейших форм ценностно-осмысленного существования.

Но преподаватель-гуманитарий в принципе не может передать свои знания, опыт, умения и навыки пассивным, не стремящимся к саморазвитию и самосовершенствованию индивидам, потому что мысли не могут быть восприняты никем, кроме познающего, жаждущего понимания субъекта. Если продукты материальной культуры можно унаследовать или получить от тех, кто умеет их создавать, то продукты духовного производства всегда воссоздаются или пересоздаются в процессе восприятия и наследования, потому что заимствовать или наследовать идеальные продукты можно только в процессе их продумывания, понимания, переживания. Именно поэтому знания, переживания, осмысленность могут быть только своими собственными, незаемными, а «у себя самой» духовная культура находится не в сфере общественного производства идей или произведений искусства, а в сфере личностного осмысления собственной жизнедеятельности, в субъективной реальности духовного мира личности.

Сама суть гуманитарного образования такова, что никакой уровень технической оснащенности, доступности информации или навыков публичного проговаривания чужих текстов не является необходимым и достаточным для его осуществления. Развитие и совершенствование аналитических способностей разума не связано непосредственно с наличием технических средств обучения, а рост обыденной интернет-информированности не способствует осуществлению сложных процессов мыслительной деятельности.

Собственно гуманитарной «технологией» является только и исключительно диалог мыслящих субъектов, в процессе которого идеальное содержание — мысль — непрерывно опредмечивается и распредмечивается в языке. Настоящие учителя всех времен и народов владели «технологией», которая не устареет во веки веков, ибо они умели мыслить вслух и являли собой реальное воплощение живой мысли. Не тексты сами со себе влияют на обучающихся, а гуманитарий-интерпретатор, излагающий собственное понимание прочитанного, увиденного или услышанного. Гуманитарий, который не находит живого отклика аудитории, теряет главный стимул своей педагогической деятельности: желание делать свои собственные мысли слышимыми, воспринимаемыми, понимаемыми, делиться уже накопленным опытом интерпретации продуктов культуры, формулировать еще не решенные проблемы понимания.

Педагогическая деятельность гуманитарна по самой своей сути, поскольку в любых видах и формах представляет собой процесс взаимодействия, общения, сотрудничества учителей и учеников в жизненно важном для обеих сторон деле трансляции культуры и формирования нового поколения ее субъектов. Уникальность педагогической деятельности гуманитария состоит в том, что ее эффективность в качестве способа приобщения к культуре и распредмечивания ценностно-смыслового содержания культурного наследия непосредственно связана с уровнем развития духовной культуры и гуманитарной образованности ее субъекта — педагога.

Гуманитарно образованная личность обладает:

- особым качеством рефлексивности по отношению к окружающему миру и своей собственной жизни;
- развитой способностью оперировать идеальными объектами: мыслями, идеями, концепциями;
- высоким уровнем понимания ценностно-смыслового содержания культуры и своей собственной профессиональной деятельности;

— умением размышлять и самостоятельно извлекать смыслы из продуктов культуры, интерпретировать произведения профессионального духовного производства;

— знанием языков различных сфер культуры, умением самостоятельно ориентироваться и свободно перемещаться в пространстве культурного многообразия;

— способностью вести диалог: выражать себя в слове и вслушиваться в слово, улавливать и артикулировать мысли, аргументировать свое мнение, выстраивать рассуждение.

Гуманитарная образованность становится существенным фактором развития духовной культуры именно потому, что не сводится к начитанности и знакомству с шедеврами художественного творчества, но выражается в развитии аналитических, критико-рефлексивных качеств сознания, позволяющих личности осуществлять ценностно содержательную деятельность и достигать взаимопонимания с другими людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерасов Б. С. Социальная культурология: Пособие для студ. высш. уч. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Культура: теории и проблемы: Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей М.: Наука, 1995.

Ю. Г. Кустова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ХАКАСОВ В 20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Ко времени начала сталинских репрессий 30-х годов XX века хакасская традиционная культура уже подверглась весьма значительным изменениям. Это было связано, прежде всего, с началом массового переселения русского населения в эти края (в начале XX века), а также с процессами консолидации среди тюркских этнических общностей Минусинской котловины, которая завершилось в первой четверти XX века.

Ещё в XIX веке население Минусинской котловины считалось кочевым [1], хотя уже тогда большинство местных жителей вело полуоседлый образ жизни. Следует отметить, что традиционная культура хакасов была основана на отгонном скотоводстве при участии земледелия и значительной роли собирательства и охоты. В первой четверти XX века хакасы стали еще в большей степени оседлыми, благодаря переходу к пашенному земледелию. Издавна хакасы разводили лошадей, овец и крупный рогатый скот, называя себя «трёхстадным» народом. В XIX веке под влиянием пришлого крестьянского населения в хозяйстве появились свиньи, козы и домашняя птица. Ко времени Октябрьского вооруженного восстания 1917 года аборигенное население Минусинской котловины уже стало приобщаться к рыночным отношениям: крупные торговые рынки существовали в Минусинске, Красноярске, с. Аскиз и с. Таштып.

Сложности с переходом к рыночному хозяйству у хакасов, как и у многих народов России, были связаны с отсутствием у инородцев частной собственности на землю, поскольку при царском правительстве и во времена Советской власти вся земля принадлежала государству, которое взимало за пользование землей подушевую подать, лесной налог, ясак и другие налоговые сборы. Хакасы пользовались землей и для выращивания